

И. С. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
imperfect@yandex.ru**ВСТАВНЫЕ Ъ И Ь В СЛАВЯНО-РУССКОМ КОДЕКСЕ 1296 г.**

В статье исследуются закономерности употребления неэтимологических (так наз. «вставных») *ъ* и *ь* в сочетаниях редуцированных с плавными на материале рукописи «Житие Симеона Столпника и Пандекты Никона Черногорца» (ГИМ, Син. 836, 180 л.). Написания со вставными *ъ* и *ь*, а также крайне редкие написания старославянского вида рассматриваются на фоне стандартных ранне- и позднерусских написаний. Анализируется статистическое распределение орфографических вариантов по разным почеркам и частям рукописи. Исследуются возможные причины разнообразия вариантов. Обсуждаются наиболее распространенные версии, объясняющие наличие в рукописях вставных *ъ* и *ь* в рефlekсах сочетаний редуцированных с плавными, в частности: контаминация старославянского написания и древнерусского произношения, отражение рефlekсов типа *ТъръТ* или *Тър^ьТ*, отражение рефlekсов типа *ТръТ* или *Т^ьръТ*, отражение твердости или мягкости [р]. Высказывается гипотеза, согласно которой вставные *ъ* и *ь* в памятнике возникают в силу двух тенденций: отразить на письме гласный призвук, позволяющий избежать сложного скопления согласных звуков, и соблюсти так наз. «правило конца строки». Данные некоторых других памятников, созданных в позднерусский период (Пролога 1356 г., двух списков Пролога втор. пол. XIV в., Московского евангелия 1358 г.), также в большой степени согласуются со сформулированными принципами.

В работе также ставится вопрос о соотношении орфографической нормы и живого произношения по данным памятника. Высказываемое некоторыми исследователями предположение о том, что вставные *ъ* и *ь* могли иметь чисто орфографическую природу, отвергается. Автор приходит к заключению, что отраженная в рукописи орфографическая норма, скорее всего, предписывала повсеместное употребление стандартных древнерусских моделей *ТърТ* или *ТорТ*, а вставные *ъ* и *ь*, передающие живое произношение писцов, проникали в переписываемый текст лишь в качестве ошибок.

Ключевые слова: церковнославянские рукописи, графика, орфография, историческая фонетика, сочетания редуцированных с плавными, вставные *ъ* и *ь*

1. Настоящая работа посвящена исследованию закономерностей употребления неэтимологических (так называемых «вставных») *ъ* и *ь*. Материалом служит изученный *de visu* славяно-русский кодекс 1296 г. (ГИМ, Син. 836, 180 л.), который содержит Житие Симеона Столпника (л. 1–11) и Пандекты Никона Черногорца (л. 11–180). Памятник написан двумя почерками: I — л. 1–120, 179¹–180; II — л. 121–179 [СК XIV: 618]. Отме-

¹ Буква «б» после номера обозначает оборотную сторону листа.

ченные в рукописи диалектные явления (в частности, смешение *ц* и *ч*: *вѣнцаетса* 41б, *къ миродържчель* 172б, *мѣнцскыи* 164б, *сконцається* 149² и др.) позволяют отнести говор переписчиков к северо-западной зоне.

В работе рассматриваются вставные ъ и ь в рефlekсах сочетаний редуцированных с плавными³. Обсуждается гипотеза (ранее, по-видимому, не высказывавшаяся), согласно которой в рукописи реализован особый тип вставных ъ и ь; по данным нашего обследования, их употребление оказывается лишь отчасти сходным с тем, что обычно констатируется при изучении написаний типа *скорѣбныи*, *вѣръста*, *оболѣкъше* и т. п. в большинстве славяно-русских памятников (обзор разных интерпретаций см. в § 9–12).

2. При рассмотрении орфографического материала данной рукописи необходимо учитывать результаты ее лингвотекстологического анализа (см. [Добровольский 2007]). Было установлено, что одни орфографические варианты могут характеризовать отрезки текста, переписанные разными писцами (I и II), а другие — разные части кодекса (Житие Симеона Столпника и Пандекты Никона Черногорца). Так, если в почерке I практически отсутствуют древние написания типа *ТѣрТ* (доля написаний типа *ТерТ* не превышает 2 %), то в почерке II их пропорция составляет около 80 %; в целом так же противопоставлены почерки по соотношению в них вариантов *-ѣцъ* и *-ецъ* в словоформах типа *старѣцъ*. Однако конкуренция некоторых иных архаичных и инновационных написаний (не связанных с поведением редуцированных) противопоставляет не один почерк другому, а текст Пандектов тексту Жития. В частности, в Житии древние орфограммы *ит-*, *от(ъ)-*, *прѣ-*, *прѣдъ-* и *-вѣцъ-* полностью вытеснены относительно новыми *ѡ-*, *пре-*, *предъ-* и *-вѣецъ-*, в то время как в Пандектах указанные древние и новые орфограммы сосуществуют.

Таким образом, анализируя употребление вставных ъ и ь в данной рукописи, следует обращать внимание не только на то, в каком почерке (в I или II) представлено определенное написание, но и на то, в какой части рукописи (в Житии или Пандектах) оно находится.

Изложение материала

3. Ниже приводится материал. Для полноты картины в списки примеров, помимо написаний со вставными ъ и ь, включены все прочие написания с рефlekсами сочетаний редуцированных с плавными.

² Благодарим А. Н. Хитрова, изготовившего по нашей просьбе шрифт для набора примеров.

³ В прочих случаях неэтимологические ъ и ь отмечены в позиции конца строки (*коварьсь|тво* 35, *посъ|тражеть* 116б, *сѣ|мѣхомъ* 43б, *късь|мъ* 176б и др.) и в морфемах на *-з (*безъоумень* 35б, *изъ|глубины* 123б и др.).

Примеры распределены по двум разделам: «Регулярные варианты» и «Редкие варианты»; во второй раздел входят варианты со вставными *ъ* и *ь*. Внутри названных разделов примеры организованы по типам сочетаний (*ТърТ, *ТьрТ и *ТълТ), внутри них — по конкретным моделям⁴ (*ТърТ*, *ТорТ*, *ТърьТ*, *ТольТ* и др.), а внутри последних — по почеркам (I и/или II); при этом примеры с *ъ* и *ь* в позиции конца строки даются особо. В целях наблюдения за орфограммами в разных частях рукописи (согласно § 2) примеры из Жития снабжаются знаком ◇.

Для удобства обозрения словоформы в каждой рубрике сгруппированы в алфавитном порядке их корней; приставки при этом отделяются дефисом, кроме случаев полной ассимиляции, например: *оу-мерль*, *Оболькыше*. При перечислении однокоренных слов возможна сокращенная запись, например: *дъръзновение*, *-нетъ*, *-ноувишихъ*, т. е. *дъръзнетъ*, *дъръзновуишихъ*. Если написаний с одним корнем больше трех, то указывается либо просто корень, либо корень с приставкой, если слово без приставки в рукописи не употребляется, например: *-скорбъ*, *с-вьришъ*.

Примеры, переходящие в рукописи с одной страницы на другую, помечаются номером первой из этих страниц. Знак | (конец строки) в примерах дается не систематически, а только при особой необходимости. Помета «и др.» после серии номеров страниц означает «и на других страницах». Знак × заменяет слово «раз». Указанные в этом и предыдущем абзацах элементы оформления в дальнейшем применяются и при цитировании других памятников.

Регулярные варианты

Сочетания типа *ТърТ

Модель *ТърТ*. Почерк II: *кърчьмъствоуа* 126б, *ласкърдоуѣтъ* ‘чревоугодничает’ 149.

Модель *ТорТ*. Почерк I: *гордъ*- 25, 52, 82 и др. (4×), *гортань* 102, *кормечъство* 74, *кормъ*- 59 bis, 80б, 110 и др. (12×), *корчьмоу*◇ 6, *-скорбъ*- 56, 58, 91 и др. (58×, в том числе *скорбѣти*◇ 16), *ѿ-торгноуша*◇ 2б, *торгъ* 108б, 17б, *-оу* 112б, *торжици* 77б, *-ихъ* 106. Почерк II: *гордѣниѣ* 178, *горла* 128б, *-омъ* 130б, *-оу* 130, *кормиша* 157б, *-скорбъ*- 139б, 142б, 172 и др. (15×), *сморкаа* ‘вбирая’ [Срезн.: статьи *смъркати* и *смърцати*] 169б, *торжицю* 135б.

Сочетания типа *ТьрТ

Модель *ТьрТ*. Почерк I: *с-вьришенымъ* 179, *държимъ* 44б, *мъртвоу*◇ 8. Почерк II: *-вьргъ/-вьржъ*- 136, 143б, 168 bis и др. (6×), *-вьрзъ*- 134, 160б, 171, *вьртѣниѣ* 165, *вьртѣнноу* 145б, *с-вьришъ*- 128б, 135, 173 и др. (10×), *-държъ*- 129б, 157, 171б bis и др. (5×), *дързъ*- 127, 141б, 161 и др. (9×), *жьртовъ*- 129,

⁴ Слово «модель» в дальнейшем используется как эквивалент слов «написание типа», например вместо «написание типа *ТорьТ*» может быть сказано «модель *ТорьТ*».

1296 bis и др. (4×), *жъртоу* 130, *мърз-* 158б, *първ-* 121, 127б, 135 и др. (14×), *сквърн-* 147б, 170, *смърд-* 161, *твърд-/твърж-* 124б, 133б, 140 и др. (5×), *-търг-* 136б, 159б, 169б и др., *-търп-* 131б, 139б, 141, *търпъ|ко* 135б, *чърн-* 131, 160, *църбоу* ‘неполную’ [Срезн.: статья *църбыи*] 128б; с ь в конце строки — *свь|риакмаа* 129б, *цъ|ркве* 160б. Из разбора исключено написание *пърсъ* Р. мн. ‘персов’ 145, которое, видимо, является результатом смешения (какова бы ни была его природа) *перси* ‘персы’ и *пърси* ‘грудь’.

Модель *ТерТ*. Почерк I: *вервью* 83, *верг-/верж-/верз-* 3, 8б, 54 и др. (45×, в т. ч. *въверже*◊, *ѡвергль*◊ 3, *ѡвергъ|*◊ [гъ читается ненадежно] 8б), *ѡверз-* 21, 57, 81 bis и др. (14×, в т. ч. *ѡверзъ*◊, *-ѣте* 8), *верстоу* 34б, *верх-* 50, 85б ter (5×, в т. ч. *верхоу*◊ 2), *с-верш-* 22б, 109б, 95 и др. (57×, в т. ч. *свершени*◊, *свершите*◊ 9б), *-держ-* 5, 54 bis, 72б и др. (45×, в т. ч. *держа*◊ 5, *держава*◊ 8б, *оу-держани*◊ 1, *въз-держанию*◊ 10б, *оу-держ-*◊ 1, 3б, *въз-держателници*◊ 10, *невъз-держаща*◊ 10), *дерз-* 26б, 54б, 119б и др. (29×, в т. ч. *дерзноювъ*◊ 7), *жерновъ* 32, *жертв-* 70б, 76б, 84 и др. (12×), *по-жершимъ* 65, *мерз-* 43б, 46, 120б и др. (7×), *оу-мерль*◊ 7, 57б, *оу-мертвишу* 57б, *-перв-* 64, 81, 120б и др. (31×), *перси* ‘грудь’ 108б, *перстомъ* 80, *-серд-* 109, 29, 22 (е вставлено) и др. (4×), *серна* 42б, *скверн-* 36б, 72, 95б и др. (24×, в т. ч. *скверниши*◊ 5б), *смерд-*◊ 2б, 5, *-твърд-/твърж-* 35б, 42б, 76б и др. (11×), *-терг-* 92б, 110б, 6б◊, *неѡ-терженоу* 15б, *терзани* 102, *терн-* 50, 54б bis, *-терп-* 34, 63, 101 и др. (56×, в т. ч. *терпѣти*◊ 2, 5б, *терпѣни*◊ 9, *-и* 10), *черв-* 2б, 5б, 22б и др. (10×, в т. ч. *червь*◊ 5 bis, 5б, *-ье* 5, *-емъ* 2б, *-и* 2 bis, 2б), *черн-* 2, 28б, 76б и др. (6×, в т. ч. *чернецъ*◊ 2, *-а* 3б, *-и* 3б), *черпахоу*◊ 1б, *черт-* 88б, 119б, *чертогъ* 67, *четвертою* 8б. Почерк II: *из-вержеть* 161, *с-вершати* 127, *-держ-* 121б, 130б, 149 и др. (4×), *держана* 128, *жертв-* 160 bis, *перв-* 142б, 145, *-скверн-* 129б, 173, *-твърд-* 139б, 142б, *-терг-* 122б, 143б, *чернила* 121, *черница* 160, *четвертою* 151б.

Сочетания типа *ТълТ

Модель *ТълТ*. Только почерк I: *стъльни*◊^к (выносная к видна очень плохо) 1.

Модель *ТолТ*. Почерк I: *волкъ* 9◊, 34б, *волци* 57б, *волсви* 47б, *долг-* ‘долгий’ 39б, 69б, 101б и др. (15×), *долж-* ‘должный’ 26б, 38, 42б и др. (11×, в т. ч. *долженъ*◊ 2б, 3), *-молв-* 16, 11б, 119 и др. (31×), *-молч-/молк-* 55б, 88б, 120б и др. (32×, в т. ч. *молчани*◊ 10, *-ю* 9, *-юмъ* 10, *молчащи*◊ 4, *молчи*◊ 2; алломорф *-молк-* представлен единственным примером *помолкоша* 83б), *-полн-* 47, 99б, 110 и др. (21×, в т. ч. *полна*◊ 2 bis, *-оу* 2б, 7), *въ-полчъ|ша* сд 108, *о-полчивъ* 37б, *столп-*◊ 6б, 5, 7б и др. (15×), *толк-* ‘толковать’ 97, 95б, 109 и др. (4×), *толкыи* 44б, *толчеши* 108б. Почерк II: *безъ-молви* 122, *молчати* 14б, *долг-* ‘долгий’ 133б, 166б, 171 ter и др. (7×, в т. ч. *долгомоу* 122 — с дефектом пергамена после л), *за-должение* 121б, *-полн-* 121б, 148, 75б и др. (5×), *полкоу* 171б, *столпъ* 134, *толковъ* Р.мн. 159б, *толкыи* 134б.

Редкие варианты

Сочетания типа *ТърТ

Модель *ТоръТ*. Почерк I: *коръмла* 100, -ю 105б, *бе-скоръбно* 58, *скоръбны* 66, *ѡ-то^{рѣ}гноуша* $\diamond$ 3; с ъ в конце строки — *коръ|митъ* 59, *скоръ|битъ* 59б, *при-скоръ|бъныи* 51б. Почерк II: *и-скоръблаци* 125б; с ъ в конце строки — *ласкоръ|диѣ* ‘чревоугодие’ 125.

Сочетания типа *ТърТ

Модель *ТръТ*. Только почерк II: *дръзо* 156б.

Модель *ТъръТ*. Только почерк II: *дръжновениѣ* 174, *дръзнеть* 161б, *дръжноувишихъ* 154, *жърътвеникомъ* 138; со вторым ъ в конце строки — *ѡ-въръ|зениѣ* 150, *миродъръ|жчемъ* 172б. Из разбора исключено двусмысленное написание *чъръ|цъскими* 163 (здесь пропущено либо *нь* после *ръ*, либо *и* после *р*).

Модель *ТъръТ*. Только почерк II: *въръстою* 135б.

Модель *ТерьТ*. Почерк I: *оу-мерътви* 111, *оу-меръцвениѣ* 115б, *скверъна* 102, *скверънословици* 102, *ѡ-теръгноувъ* $\diamond$ 10б, *ѡ-теръгноуть* $\diamond$ 2б, *церъкъви* 76; с ъ в конце строки — *с-веръ|же* 56, *с-веръ|шени* 33б, *оу-деръ|жиши* 90, *деръ|зости* 91, *оу-тверъ|жениа* 48, *церъ|къвамъ* 63б. Почерк II: *деръжновениѣ* 154, 176, *деръжноуть* 154, *оу-меръцквеноу* (sic!) 170; с ѣ вместо *е* — *дѣръжновениѣмъ* 150, *извѣръжению* 136б (ср. варьирование *прѣ-*, *прѣдѣ-*, -*влѣц-* и *пре-*, *предѣ-*, -*влѣц-*; см. § 2.).

Модель *ТерьТ*. Почерк I: *жърътвеникъ* 108б; с ъ в конце строки — *тажкосеръ|дъ* 113б. Почерк II: *деръжновениѣ* 148б.

Сочетания типа *ТълТ

Модель *ТлъТ*. Только почерк II: *безъмльвица* 145, -ю 177б, -ѣ 122, *безъмльвною* 134б.

Модель *ТълъТ*. Только почерк II: *безъмльствовати* 145, *безъмльтвоуки* 125б.

Модель *ТольТ*. Почерк I: *оболькъше* $\diamond$ 9б, *без-мольвника* 25б, *оу-молькнеть* (о исправлено из ѣ?) 110; с ъ в конце строки — *долъ|го* 14б, *долъ|гы* 107б, *без-моль|вика* 118б, *без-моль|ввно* 97б, *толъ|кованиа* 135. Почерк II: *без-мольвникомъ* 127б, *безъмльвными* 167б, *без-мольствоующю* 176б, *солънце* 166б, *столътника* 143б, 173, *толъсти* 130; с ъ в конце строки — *толъ|кованиа* (ѣ исправлено из о) 14б.

Распределение редких вариантов по почеркам и частям рукописи

4. Для большинства редких вариантов малый объем материала не позволяет с уверенностью утверждать, есть ли в их распределении зависимость от принадлежности к конкретному почерку (I или II) или к конкрет-

ной части рукописи (Житию или Пандектам). Может быть, имеется связь между моделями *ТоръТ*, *ТьрьТ*, *ТерьТ* и Пандектами; при этом не исключено, что модель *ТьрьТ* характеризует не Пандекты, а почерк II. Распределение остальных моделей гораздо менее выразительно. Модели *ТоръТ*, *ТерьТ* и *ТерьТ* встречаются преимущественно в почерке I (счет 8 : 2, 13 : 4 и 2 : 1 соответственно); в написаниях типа *ТольТ* противопоставление почерков полностью нейтрализовано (счет 8 : 8). Модели *ТерьТ* и *ТольТ* встречаются преимущественно в Пандектах (счет 16 : 2 и 15 : 1 соответственно), но это вполне объяснимо относительно малым размером Жития. Судить о распределении моделей *ТрьТ*, *ТьрьТ*, *ТльТ* и *ТьльТ*, представленных единичными примерами, вряд ли возможно.

5. Чтобы прояснить характер дистрибуции редких вариантов, следует рассмотреть их употребление не самих по себе, а на фоне регулярных вариантов. Так, по данным лингвотекстологического анализа (см. § 2), модель *ТьрТ* господствует над моделью *ТерТ* в почерке II (о рефлексах **ТьрТ* и **ТьлТ* см. ниже); при этом распределение моделей, зависящее от принадлежности к тексту Жития или тексту Пандектов, не обнаруживается. Аналогичную картину демонстрируют модели *ТьрьТ* и *ТерьТ*.

В Таблице 1 показано, как распределены по почеркам раннедревнерусские (с ъ, ь) и позднедревнерусские (с о, е) написания перед *р*, *л* в составе вариантов со вставными ъ, ь и в составе регулярных вариантов.

Таблица 1

Варианты со вставными ъ и ь					Регулярные варианты				
Модель	Почерк I		Почерк II		Модель	Почерк I		Почерк II	
					<i>ТьрТ</i>	0 %		8 %	2
<i>ТоръТ</i>	100 %	8	100 %	2	<i>ТорТ</i>	100 %	84	92 %	22
<i>ТьрьТ</i> и <i>ТьрьТ</i>	0 %		50 %	6 + 1	<i>ТьрТ</i>	1 %	3	79 %	76
<i>ТерьТ</i> и <i>ТерьТ</i>	100 %	13 + 2	50 %	6 + 1	<i>ТерТ</i>	99 %	362	21 %	20
<i>ТьльТ</i>	0 %		20 %	2	<i>ТьлТ</i>	1 %	1	0 %	
<i>ТольТ</i>	100 %	8	80 %	8	<i>ТолТ</i>	99 %	139	100 %	20

Как видно из таблицы, в распределении по почеркам рефлексов **ТьрТ* имеется довольно отчетливый параллелизм: модели *ТьрьТ*, *ТьрьТ* представлены исключительно в почерке II, модель *ТьрТ* — преимущественно там же (доля отклонений составляет лишь 1 %); им противостоят модели *ТерьТ*, *ТерьТ* и модель *ТерТ*, которые употребляются в обоих почерках (с разной степенью интенсивности). Способы записи сочетания типа **ТьрТ* непоказательны, так как в рукописи недостает четвертого члена пропорции *ТьрТ* : *ТорТ* = *x* : *ТоръТ*. Материал по рефлексам **ТьлТ* весьма ограничен, чем, видимо, объясняется отсутствие варьирования моделей *ТьлТ* и *ТолТ* в почерке II (при сходстве во всем остальном с передачей **ТьрТ*).

6. Для нашего исследования важнейшее значение имеет тот факт, что написания с ъ, ь перед *р, л* в моделях *ТЬрьТ*, *ТЬрьТ* и *ТЬльТ* встречаются исключительно в почерке II, тогда как написания с *о, е* перед *р, л* и со вставными ъ, ь — в обоих почерках. Тем самым выбор между ъ, ь и *о, е* перед *р, л* оказывается связан с различием орфографических систем двух почерков: в почерке I последовательно отражено «прояснение» редуцированных в сочетаниях с плавными, а в почерке II в этой орфографической точке варьируют ранне- и позднерусские написания. На архаичность орфографии почерка II дополнительно указывают модели *ТрьТ* и *ТльТ*; их появление в тексте в принципе можно мотивировать ориентацией на старославянские образцы, однако, возможно, древние написания просто уцелели в ходе многократного копирования текста Пандектов.

Таким образом, буквы перед *р, л*, с одной стороны, и вставные ъ, ь — с другой, так сказать, живут в нашей рукописи собственной жизнью: если первые характеризуют определенный почерк, то употребление вторых от почерка не зависит. Соответственно, вставные ъ и ь ниже рассматриваются отдельно от букв перед *р, л*.

О причинах разнообразия моделей

7. Перед тем как обратиться к интерпретации материала, отметим обращающее на себя внимание разнообразие моделей со вставными ъ и ь, передающих *ТЬрТ, в которых реализованы все возможности выбора между ъ и *е* перед буквой плавного, а также ъ и ь после нее: *ТЬрьТ*, *ТерьТ*, *ТЬрьТ* и *ТерьТ*. Этому разнообразию противостоит скудость способов записи *ТЬрТ в виде модели *ТорьТ*. Промежуточное положение занимают передающие *ТЬлТ модели *ТЬльТ* и *ТольТ*. Сказанное продублировано в Таблице 2, которая наглядно отражает все «лакуны».

Таблица 2

		После <i>р, л</i> написана буква	
		ъ	ь
Перед <i>р, л</i> написаны буквы	ъ, ь	—	—
		<i>ТЬрьТ</i>	<i>ТЬрьТ</i>
		<i>ТЬльТ</i>	—
	<i>о, е</i>	<i>ТорьТ</i>	—
		<i>ТерьТ</i>	<i>ТерьТ</i>
		<i>ТольТ</i>	—

Различие между тремя типами сочетаний редуцированных с плавными в количестве моделей естественно связать с долей всех орфографических вариантов и долей всех редких вариантов (включая модели *ТрьТ* и *ТльТ*) в каждом типе, см. Таблицу 3.

Таблица 3

Типы сочетаний	Способы передачи сочетаний			
	Все варианты		Редкие варианты	
* <i>ТьрТ</i>	62 %	493	50 %	34
* <i>ТьлТ</i>	23 %	184	35 %	24
* <i>ТьрТ</i>	15 %	117	15 %	10

Как можно видеть, количество редких вариантов в каждом из типов сочетаний прямо пропорционально количеству всех способов передачи того или иного типа: процентные показатели довольно похожи. Но на этом процентное сходство не заканчивается. Можно считать это просто совпадением, однако количество моделей в каждом типе сочетаний также перекликается с приведенными данными: сочетание *ТьрТ передается семью моделями (что составляет 47 % от общего числа всех редких моделей), *ТьлТ — пятью (33 %), *ТьрТ — тремя (20 %). Таким образом, можно констатировать, что в рукописи как бы проводится следующий принцип: чем больше у того или иного типа позиций в тексте, тем больше у него орфографических вариантов.

Если это не совпадение, то чем можно объяснить такую зависимость? Осмелимся предположить, что установленный факт имеет некоторую типологическую близость к случаям графических искажений многократно повторяющихся слов в рамках одного и того же текста (особенно короткого). Последнее ярко проявляется в берестяных грамотах, содержание которых может требовать повторения одного и того же слова. Так обстоит дело, например, с грамотой № 348 (вт. пол. XIII в.), представляющей собой долговой список, где слово ‘четверть’ повторяется 20 раз (после каждого входящего в список имени), «а такие слова, как правило, записываются писцами менее тщательно, чем информативная часть текста (имена и цифры), и часто подвергаются сокращениям и искажениям» [Зализняк 1993: 266–267]: *цетвете* (2×), *цецетверте*, *црте*. Сюда же относится и грамота № 92 (ропись оброка), где 11 раз повторяется слово ‘лосось’: мы встречаем здесь среди прочих, например, написания *лосъсь*, *лосо* (2×), *слсось* [Там же: 267]. Можно думать, что графически неустойчивыми в текстах определенного объема могли быть не только отдельные частотные слова, но и относительно крупные массивы слов с общей для всех орфограммой (в нашем случае самый крупный массив составлен из слов с сочетанием типа *ТьрТ). Разумеется, указанное типологическое сходство общего характера (если оно действительно имеется) не освобождает от необходимости искать какую-то частную подоплеку варьирования вставных ъ и ь в моделях, передающих рефлекс сочетаний типа *ТьрТ (см. § 14)⁵.

⁵ Может создаться впечатление, что материал по редким вариантам разбит на модели «насилованным» способом и что настоящая причина разнообразия моделей, передающих сочетания типа *ТьрТ, лежит просто в отражении очень рано со-

Возможные объяснения вставных ъ и ь

8. Как известно, в истолковании вставных ъ и ь единого мнения не существует. Перечислим основные версии и попытаемся оценить возможность приложения каждой из них к нашему материалу. В дальнейшем, если из контекста не ясно иное, рефлексы **ТърТ* (и соответствующие им написания) обозначают рефлексы всех типов сочетаний (**ТърТ*, **ТърТ* и **ТълТ*), т. е. слова «написания типа *ТърТ*» подразумевают «написания типа *ТърТ*, *ТърТ* и *ТълТ*», слова «написания типа *ТъръТ*» — «написания типа *ТъръТ*, *ТъръТ* и *ТълъТ*» и т. п. Условимся также для упрощения записи в § 9–11 под *ТъръТ* иметь в виду *ТъръТ* и/или *Тър'Т* (т. е. написание с паерком), а под *Тъ* (в составе *ТърТ*, *ТъръТ* и *Тър'Т*) — не только *Тъ*, но и *То* (т. е. написание с «проясненным» редуцированным).

Контаминация старославянского написания и древнерусского произношения

9. Эта точка зрения на происхождение вставных ъ и ь сформулирована А. А. Шахматовым [1915/2002: § 314]: «Написания [ъръ, ьрь, ѡлъ, а также ьрь, ьрь] явились на почве взаимодействия, с одной стороны, графического приема старославянских памятников, усвоенного русскими писцами и требовавшего постановки ъ, ь за плавными, с другой стороны, живого русского произношения: написания *прѣстъ*, *врѣхъ* оригинала и живое произношение *пърстъ*, *върхъ* порождали в копиях искусственные написания *пърѣстъ*, *върѣхъ*». Существует также близкое к данному объяснению («фонетико-орфографическому», если можно так выразиться), но не тождественное ему чисто орфографическое объяснение, согласно которому такие написания, как «*върѣхоу*, *зьрьно*, *скърѣбъ*, *тълъѣте* (Остр. ев. и позднее), — искусственный прием письма, соединение церковнославянского правописания с русским» [Дурново 1924/2000: 148].

Применительно к нашей рукописи (и, вероятно, ко многим другим) чисто орфографическая концепция едва ли обладает достаточной «объяснительной силой». По наблюдениям В. М. Живова [1987/2006: 248], наличие в рукописи написаний типа *ТъръТ* обуславливает наличие в ней написаний типа *ТърТ*, которые при этом встречаются существенно чаще, чем написания типа *ТъръТ*. Если написания типа *ТъръТ* «развиваются в ходе формирования русской орфографической нормы как сопутствующие» написаниям типа *ТърТ* [Там же], то, очевидно, что часть *Тъ* в составе *ТъръТ* передает произношение (книжное или разговорное). Тем самым

вершившегося в древнем новгородско-псковском диалекте перехода *ТъръТ* в *ТъръТ* в случае, когда второе *Т* — это твердая зубная согласная (см. [Зализняк 2004: § 2.12]). Однако, как показано ниже (см. § 12), модели *ТъръТ*, *ТерьТ* и *ТъръТ*, *ТерьТ* вряд ли во всех случаях противопоставлены по принципу «перед твердой зубной — ъ, в прочих случаях — ь».

чисто орфографическая концепция уже только поэтому оказывается неприемлемой.

Господство *ТърТ* над *ТръТ* при наличии в рукописи *ТъръТ* показывает, что и за частью *ръТ* стоит фонетическая реальность. Если бы писцы старались следовать старославянским орфографическим нормам, то в рукописях наблюдалась бы обратная картина (старославянские написания превалировали бы над русскими). Однако в действительности «графический прием старославянских памятников», о котором говорил А. А. Шахматов, обычно реализуется в мизерном количестве случаев: как отмечал В. М. Живов, написания типа *ТъръТ* всегда составляют лишь относительно небольшой процент по сравнению с долей написаний другого типа [Там же]. Таким образом, отпадает и фонетико-орфографическая версия.

Материал нашей рукописи прекрасно согласуется с закономерностями, выявленными В. М. Живовым: пропорция редких вариантов составляет всего 7 %, а модели старославянского вида находятся в абсолютном меньшинстве по сравнению с русскими написаниями.

Отражение рефлексов типа ТъръТ или Тър^ъТ

10. Речь идет, соответственно, о так называемых древненовгородской модели развития сочетаний типа **ТърТ* (**ТърТ*, **ТълТ*) — с дополнительным ъ или ь и стандартной древнерусской модели — с развитием слабого вокалического призвука. Рефлекс *ТъръТ* характерен для новгородско-псковского диалекта, рефлекс *Тър^ъТ* — для восточно-новгородских говоров и Юго-Западной Руси (где также могло сохраняться исконное сочетание *ТърТ*, подробнее см. [Зализняк 1993: 266; 2004: § 2.12]). Обе возможности могут быть переданы на письме как *ТъръТ*.

Поскольку в нашей рукописи имеются некоторые особенности, позволяющие локализовать говор писцов северо-западной диалектной зоной (см. § 1), не исключено, что написания типа *ТъръТ* отражают одну из указанных возможностей. Некоторая уязвимость данной версии усматривается в отсутствии сколько-нибудь четкого противопоставления вставных ъ и ь в способах передачи сочетаний типа **ТърТ* (согласно переходу древнего рефлекса *ТъръТ* в более новый *ТъръТ*, см. сноску 5), хотя можно, конечно, полагать, что запись со вставным ъ перед буквой, обозначающей твердую зубную согласную (как и сами написания со вставными ъ и ь), возникает в книжном памятнике спорадически, так как произношение типа (*ТъръТ*) было принадлежностью разговорного языка.

Отражение рефлексов типа ТръТ или Т^ъръТ

11. Помимо рефлекса *ТъръТ* в древнем новгородско-псковском диалекте, существовал рефлекс *ТръТ* или *Т^ъръТ* — со слоговым плавным, сопровождаемым нефонологическими вокальными призвуками (см. [Зализняк, Шевелёва 2005: 440]). Написания типа *ТъръТ* в нашей рукописи вряд ли отражают рефлекс *Т^ъръТ*. Как показано в работе М. Н. Шевелёвой [1995],

важной особенностью написаний типа *ТЬрьТ*, передающих рефлекс $T^b r^b T$, является то, что выбор между вставными буквами *ъ* и *ь* подчинен ряду гласного звука, стоящего перед [р], [л]; частным следствием этого является отсутствие написаний с *ьрь* (*ерь*) перед согласной, обозначающей твердую зубную. Наличие в нашей рукописи моделей *ТЬрьТ* и *ТерьТ* не дает оснований предполагать обусловленность вставных *ъ* и *ь* характером гласных перед плавными.

Отражение твердости или мягкости [р]

12. Некоторые примеры позволяют думать, что выбор между вставными *ъ* и *ь* зависит от качества последующих согласных (ср., в частности, *дьрьз-нетъ*, *оумерьтъви* — *вьрьстою*, *жерътвеникъ*), однако в целом даже беглый просмотр материала не дает оснований заключить, что вставные *ъ* и *ь* во всех случаях выполняют функцию твердого и мягкого знаков (см., однако, § 17).

Вставные *ъ* и *ь* как выразители призвука

13. Как показано в § 9–12, ни одна из рассмотренных концепций не дает удовлетворительного объяснения вставных *ъ* и *ь* в анализируемом памятнике. Поиски альтернативных решений приводят к выводу, согласно которому **вставные *ъ* и *ь* в рукописи возникают в силу двух несвязанных тенденций: отразить на письме гласный призвук, позволяющий избежать сложного скопления согласных звуков, и соблюсти так называемое «правило конца строки».**

В самом деле, как можно видеть из приведенных выше списков (см. § 3), вставные *ъ* и *ь* пишутся (независимо от того, приходится ли они на конец строки или нет), во-первых, перед двумя (реже тремя) согласными, например *скоръбны*, *миродърь|жчемъ*, *вьрьстою*, *оумерьтъви*, *жерътвеникъ*, *безъмълъствовати*, *солънце*, во-вторых, перед сочетанием вида «согласная + *ъ*, *ь* (из слабых *ъ, *ь)», в котором буквы *ъ* и *ь* — это не более, чем дань отходящей в прошлое орфографии, например *прискоръ|бъныи*, *церъкъви*, *церъ|къвамъ*, *безмоль|въно*, *оболькъше*; ср. варьирование в суффиксах *-ън-*, *-ъв-* и *-ъш-*: *скорбънака* 15 — *скорбно* 111б, *навиновъна* 128б — *виновна* 113б; *църкъви* 160 — *цър|ркве* 30б, *любъви* 56б — *любви* 38б; *притекъше* 4б — *текше* 160б, *рекъшему* 158 — *рекше* 126. Таким образом, в обоих случаях вставные *ъ* и *ь* записываются перед двумя или тремя согласными буквами (пусть и отделенными друг от друга буквами *ъ* и *ь*, стоящими на месте слабых *ъ и *ь), т. е. там, где возникает угроза скопления соответствующих звуков.

Перед одиночной согласной *ъ* и *ь* возникают только в конце строки, например: *коръ|मितъ*, *ѡвьрь|зениѡ*, *сверъ|шени*, *тажкосеръ|дъ*; отклоняются лишь *скверъна*, *скверънословици*, которые либо отражают мягкость [р] (см. § 17), либо копируют написания с *ън* в роли суффикса (ср. *искрънеѡ* 149, *сребръно* 84б, *оутрънака* 131б и др.).

14. При трактовке вставной буквы ъ или ь как выразителя гласного призвука получает возможное объяснение колебание между вставными ъ и ь в моделях *ТърѣТ*, *ТерьТ*, с одной стороны, и *ТърѣТ*, *ТерьТ* — с другой (см. § 7). Вероятно, переписчику, непреднамеренно отразившему в рукописи свое произношение, в первую очередь было важно как-то обозначить призыв, для чего наиболее удобными были буквы ъ и ь; выбор между ними в позднерусский период, возможно, был для писца на втором плане. Разумеется, при этом вполне вероятно, что хотя бы часть примеров, относящихся к рассматриваемым моделям, мотивирована твердостью или мягкостью последующего согласного (см. также § 17).

Показания других памятников

15. Описанный в § 13 принцип, по-видимому, так или иначе выдерживается и в некоторых других памятниках, созданных в позднерусский период. Так, в первом почерке Пролога 1356 г. передающие рефлексy *ТърТ написания *верхнимъ*, *дързн-* (9×), *дър|зн-* (2×), *жерътв-*, *перъст-* (2×), *черънци*, *бверъгл-* (2×), *бверсти* (инфинитив с обобщением по презентной основе), *дързн-*, *перъста*, *перъ|стомъ* оказываются в четкой оппозиции написаниям *-веръ|ж-* (2×), *-веръ|т-*, *-дъръ|ж-* (2×), *скверъ|н-* (2×), *простеръ|тама*, *-тверъ|д-*, *-теръ|н-* (2×), *черъ|норизецъ*; исключение: *веръх-* (2×) (примеры взяты из [Бегунц 2003: § 4.4.4])⁶. Материал по написаниям со вставными ъ и ь в конце строки на месте сочетаний *ТърТ и *ТълТ в названной работе опущен; ср., однако, показательные примеры вставок перед двумя согласными буквами и сочетанием «согласная + ь (из слабого *ъ)» — также в первом почерке: *оскоръблше*, *коръмлю*, *вольхв-* (4×), *вольшьство*, *тольста*, *стольнь|ника*, *дольжь|ни*; исключений нет. И. В. Бегунц интерпретирует данные написания иначе (см. § 19).

16. В двух списках Пролога вт. пол. XIV в., в отрезках текста, принадлежащих писцу, который принимал участие в создании обоих памятников, обнаруживаются следующие написания (приводим их объединенный перечень): *веръстоу*, *верътъѣ*, *вольхва*, *дързн-* (2×), *дързн-* (2×), *коръмлю*, *коръчмиту*, *перъсти*, *перъстъ*, *стольнникъ*, *-у*, *-цѣ* (примеры взяты из [Ладыженский 2011: 136]). Из указанной работы неясно, употребляются ли в рукописях вставные ъ и ь в позиции конца строки; во всяком случае, перед одиночной согласной буквой представлены обычные позднерусские написания, например: *въвержени*, *гордыни*, *безмольва*, *скорби*, *черноризецъ* [Там же].

Насколько можно понять, написания типа *коръмлю*, *веръстоу*, *вольхва* И. М. Ладыженский трактует как частное проявление закономерности, со-

⁶ Здесь и далее в § 15–17 после корня указываются все стоящие за ним подряд согласные.

гласно которой «еры, соответствующие этимологически слабым редуцированным, ставятся... при последовательности из трех и более согласных: *предѣста, въпрошени, льсти, къ братѣи...*» [Там же: 133]. Однако, анализируя слова с сочетаниями типа *ТърТ, исследователь вынужден уточнить, что речь идет уже о «неэтимологических ерах», при этом их позиция (слабая или сильная) не оговаривается [Там же: 136].

Отметим, что, вопреки сформулированной И. М. Ладыженским закономерности, в примерах *верѣтъѣ, корѣчмѣту, столѣнникѣ, -у, -ѣѣ* неэтимологические ѣ и ѣ соответствуют гипотетическим редуцированным не в слабой, а в сильной позиции; в написании *верѣтъѣ* нет последовательности из трех согласных букв; наконец, как замечает сам исследователь, в слове *жертѣа*, где, напротив, такая последовательность имеется, «еры после плавного не представлены ни разу» [Там же].

Не исключая фонетического происхождения указанных написаний, И. М. Ладыженский настаивает на том, что писец «преследовал прежде всего графические цели: разделить группу графем, соответствующих согласным» [Там же: 137]; сходным образом интерпретирует написания со вставными ѣ и ѣ в Прологе 1356 г. И. В. Бегунц (см. § 19). Возможно, этот вывод верен для обсуждаемых в работе написаний типа *въ ѣркъѣ, въ срдѣѣ, въ ѣртоѣ*, но маловероятен для написаний типа *предѣста, въпрошени, льсти* и в особенности для написаний типа *корѣмлю, верѣстоу, волѣхва* и т. п. Последние (в том числе *верѣтъѣ* с чисто орфографическим ѣ на месте слабого *ѣ), на наш взгляд, вполне удовлетворительно объясняются гипотезой о вставных ѣ и ѣ в роли призвука. При этом, как и в нашей рукописи, ѣ и ѣ не пишутся в условиях скопления согласных звуков повсеместно (см. § 18), так что считать отклонениями написания *жертѣ-* (а также *безмолѣѣа*, где на фонетическом уровне представлено скопление [лв'ј]) нет необходимости.

Скоплением согласных звуков может также объясняться наличие ѣ и ѣ в написаниях типа *предѣста, въпрошени, льсти*: как известно, «в подобных случаях редуцированный часто восстанавливался (или сохранялся)» [Зализняк 1985: 170]; однако подробный разбор таких написаний не входит в задачи настоящей работы.

17. В Московском евангелии 1358 г., если судить по материалу, изложенному в статье О. А. Князевской [1957: 130–131], вставные ѣ и ѣ пишутся: в позиции конца строки — перед одной согласной, в прочих случаях — перед двумя согласными (а именно, перед *ст*), ср. *торѣ|жищихѣ, верѣ|ху, одерѣ|жимы, померѣ|че, перѣ|выхѣ, черѣ|тѣ, зерѣ|ну* (2×), *растерѣ|завѣ, молѣ|нии, полѣ|на, толѣ|ѣѣте* — *горѣ|стью, отверѣ|сти, верѣ|сту, перѣ|стѣ, перѣ|стоѣ* (2×), -а; исключение: *перѣ|выи*.

Как и указывала О. А. Князевская, в части случаев вставные ѣ и ѣ в приведенных примерах, возможно, отражают мягкость или твердость [р], в том числе обусловленную качеством последующих согласных (ср. § 12). Таким образом, вставные ѣ и ѣ в Московском евангелии могут обозначать

одновременно гласный призвук и качество [р] — подобно тому как в нашей рукописи они могут одновременно обозначать гласный призвук и служить правильному оформлению конца строки, ср., например, написания *миродьрь|жчемъ*, *прискорь|бьныи*. При этом ясно, что вставные ъ и ь иногда выступают только в одной из названных функций, откуда возможность в нашей рукописи написаний типа *корь|митъ*, где ъ лишь оформляет конец строки, а в Московском евангелии — написаний типа *первьыи*, где ь, видимо, обозначает только мягкость [р]. Возможно, в роли мягкого знака ь функционирует в написаниях *верхъ*- из Пролога 1356 г. (см. § 15) и *скверьнъ*- из нашей рукописи (см. § 13); правда, для последней необходимо тем самым допустить, что вставные ъ и ь имели даже не две, а три функции (выступая в одной из них или совмещая их в разных комбинациях): выразителей призвука, оформителей конца строки и показателей твердости или мягкости.

Орфографическая норма и живое произношение по данным памятника

18. Если буквы ъ и ь в написаниях *скорьбны*, *оумерьтви*, *столъпника* и т. п. передают гласный призвук, то закономерен вопрос: каково фонетическое значение таких вариантов записи рефлексов *ТърТ, как *бескорьбноу*, *оумертвишию*, *безмольникъ* и еще 60 подобных им, которые отличаются от написаний типа *скорьбны*, *оумерьтви*, *столъпника* отсутствием вставных ъ и ь (в обеих группах примеров после *р*, *л* имеются как минимум две согласные буквы или сочетание «согласная + ъ, ь [на месте слабых *ъ, *ь]»)? Вне всякого сомнения, чтобы быть до конца последовательными в своих построениях, мы должны признать, что написаниям типа *скорьбныи*, *скорьбьныи*, *скърьбьныи*, *скърьбныи* так же соответствует произношение [скор'б'ны], как и написаниям типа *скорьбныи*, *скорьбьныи*, *скърьбьныи*, *скърьбныи*. Но почему же при передаче на письме сочетаний типа *ТърТ призвук в подавляющем большинстве случаев не обозначен? Причина здесь может быть в том, что отраженная в нашей рукописи орфографическая норма, скорее всего, предписывала повсеместное употребление стандартной древнерусской модели *ТърТ* (*ТорТ*), а запись со вставными ъ и ь, передающими живое произношение, расценивалась в ней как маргинальная (т. е. почти столь же неуместная в книжном памятнике, как, например, замена буквы *ч* на *ц*, выдающая цоканье писца; см. § 1).

Таким образом, в нашей рукописи с точки зрения зафиксированной в ней орфографической системы правильными являются написания типа *скорьбныи* и, по-видимому, *скорьбныи*, а с точки зрения графической системы, которой пользовался писец, — написания типа *скорьбьныи*; компромисс между графикой и орфографией можно видеть в написаниях типа *скорьбьныи*, где вставной ъ передает произношение, а ь из слабого *ъ является орфографической условностью.

Вопрос о соотношении написаний типа *скорьбныи* и *скорбьныи*

19. В принципе нельзя исключать того, что призвук в идиолекте писца мог возникать в любом из двух (реже трех) мест между тремя (реже четырьмя) согласными, которые образовывали труднопроизносимые сочетания. Скажем, сочетание [рб'н] в словоформе *скорбьныи* могло разбиваться призвуком как [р'б'н] или как [рб'³н]. (Менее вероятно в рамках данной гипотезы, что вокалическая вставка в произношении писца возникала только после [р], [л], а буквы ъ и ь он ставил, невзирая на ее местоположение: то после *р, л*, то после согласной, следующей за *р, л*.)

Отчасти сходная точка зрения представлена в работе И. В. Бегунц [2003: § 4.4.4], которая, изучая графико-орфографическую систему Пролога 1356 г., предположила, что написания типа *скорьбныи* (с ъ, ь после *р, л*) и *скорбьныи* (с ъ, ь после *рС, лС*, где *С* — любая согласная буква) находятся в отношениях дополнительного распределения. Исследовательница не исключает фонетической причины появления вставных ъ и ь (отражения призвука), однако все же склонна относить их на счет орфографии, ср.: «Писцам важно “разбить” стечение согласных путем постановки буквы редуцированного; если группа согласных не содержала редуцированный, он “вписывается” после плавного или после следующего за ним согласного» [Там же] (ср. мнение И. М. Ладыженского; см. § 16). Здесь следует уточнить, что, как видно из приводимых в работе примеров, буквы ъ и ь вставляются и тогда, когда группа согласных содержала редуцированный, т. е. встречаются не только редкие и, видимо, противоречащие орфографической норме Пролога 1356 г. написания типа *толкънувь*, но и более обычные типа *черньци, ѿверзьши*. Речь, таким образом, может идти преимущественно о фонемосочетаниях вида «*р, л + *СъС (*СьС)* со слабыми **ъ, *ь*», а не «*р, л + *СС*».

На наш взгляд, приведенное объяснение было бы гораздо выигрышнее, если предположить фонетическую природу рассматриваемого явления. Но как бы то ни было, приняв гипотезу дополнительной дистрибуции написаний со вставными ъ, ь и с ъ, ь после согласных, следующих за *р, л*, необходимо выяснить, какова доля отклонений от данной гипотезы. Ведь если в тексте имеются только написания типа *скорьбныи* и *скорбьныи*, то предполагаемое дополнительное распределение налицо, однако, как неумолимо свидетельствуют данные анализируемой рукописи, наряду с указанными категориями примеров имеются написания типа *скорьбьныи* и *скорбьныи* (или те же, но с *ър*), которые так или иначе портят сформулированную выше реконструкцию.

К написаниям типа *скорьбьныи* в нашей рукописи относятся: *при-скорь|бьныи, церь|къвамъ, церькъви, безмоль|вьно, безмольвьствоующю, оболькъше* (двусмысленная описка *чьрь|цьскими* не в счет). К написаниям типа *скорбьныи* относятся: *бескорбноу, скорбно, добросердѣциѣ, должни* (2×), *-о, -оу, должника, -омь*, а также *ць|ркве* (титло здесь «раскрыто», оче-

видно, в силу конца строки [ср. *ѣрк-* в прочих случаях], но это не делает написание непригодным для включения в список примеров; см. § 17). Как видно, отклонений не так много, но все же больше, чем в предлагаемой нами гипотезе, из которой выбиваются лишь два примера (см. § 13, конец).

К сожалению, статистические данные по Прологу 1356 г., приводимые И. В. Бегунц, в этом вопросе не показательны, так как в ее работе не различаются классы точек с «*p, л + *СС*» и классы точек с «*p, л + *СъС (*СъС)*» со слабыми *ѣ, *ь» и не учитываются написания в конце строки (кроме передающих рефлексy *ТьрТ); ср., однако, написания типа *скорѣбьни* (все они — в первом почерке Пролога 1356 г.): *вольшьство, долъжь|ни, стольнь|ника*.

С л о в а р и

СК XIV — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 / Отв. ред. А. А. Турилов. М., 2002.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М., 2003 [репринт изд. СПб., 1893–1903].

Л и т е р а т у р а

Бегунц 2003 — И. В. Бегунц. Графико-орфографический анализ рукописи (РГАДА, фонд 381, № 163). Дипломная работа. МГУ, 2003.

Добровольский 2007 — И. С. Добровольский. К вопросу об изучении орфографической неоднородности рукописи (Житие Симеона Столпника и Пандекты Никона Черногорца 1296 г.) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2007. № 6. С. 67–72.

Дурново 1924/2000 — Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 1–337 (второй пагинации).

Живов 1987/2006 — В. М. Живов. Проблемы формирования русской редакции церковнославянского языка на начальном этапе (По поводу книги И. Тота «Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI–XII вв.». София, 1985. 358 с.) // В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 225–259.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–321.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк, Шевелёва 2005 — А. А. Зализняк, М. Н. Шевелёва. Древненовгородский диалект // Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания. М., 2005. С. 438–444.

Князевская 1957 — О. А. Князевская. К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание

рукописи Московского евангелия 1358 г.) // Труды института языкознания АН СССР. Т. 8. М., 1957. С. 107–177.

Ладыженский 2011 — И. М. Ладыженский. Графико-орфографические и языковые особенности рукописных книг Типографского собрания РГАДА № 165, 166, 167. Дисс. ... канд. филол. наук / Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2011.

Шахматов 1915/2002 — А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. М., 2002 [репринт изд. Пг., 1915].

Шевелёва 1995 — М. Н. Шевелёва. Новые данные церковнославянских рукописей о рефlekсах сочетаний редуцированных с плавными и развитии «второго полногласия» // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 78–93.

Статья получена 22.09.2019

Ivan S. Dobrovolsky

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
imperfect@yandex.ru

EPENTHETIC Ъ AND Ь IN A 1296 RUSSIAN CHURCH SLAVONIC MANUSCRIPT

The paper analyzes the functions of the so-called epenthetic ъ and ь in a Russian Church Slavonic manuscript dated from 1296, which contains *The Life of Saint Simeon the Stylite and The Pandects of Nikon of the Black Mountain* (SHM, Synod. 836, 180 f.). Spellings with epenthetic ъ and ь as well as extremely rare spellings of the Old Church Slavonic type are considered against the background of standard early and late Old Russian spellings. The distribution of spelling variants across different handwritings and parts of the manuscript is analyzed. Possible reasons for the variety of options are investigated. We discuss the most common explanations for the presence of epenthetic ъ and ь in the reflexes of muta-cum-liquida clusters in manuscripts. The paper argues that the appearance of non-etymological ъ and ь is due to two factors: epenthesis splitting a consonant cluster, which was reflected in the spelling, and a rule stipulating that lines should end in vowel letters. Data from other sources dating from the late Old Russian period (a 1356 Prologue, two manuscripts of Prologue from the second half of the 14th century, a 1358 Moscow Gospel) to a large extent follow these principles.

The paper also raises the question of the relation between the spelling norm and live pronunciation as reflected in the manuscript. The suggestion made by some researchers that epenthetic ъ and ь could have had a purely orthographic nature is rejected. The author comes to the conclusion that the spelling norm reflected in the manuscript most likely prescribed the use of standard Old Russian models *ТѣrT* or *TorT*, while epenthetic ъ and ь appeared in written text only as errors.

Keywords: Old Church Slavonic manuscripts, graphic system, orthography, historical phonetics, combinations of yers with liquid consonants, epenthetic ъ and ь

References

- Begunts, I. V. (2003). *Grafiko-orfograficheskii analiz rukopisi (RGADA, fond 381, № 163)* (unpublished M.A. dissertation). Moscow State University, Moscow.
- Dobrovolsky, I. S. (2007). K voprosu ob izuchenii orfograficheskoi neodnorodnosti rukopisi (Zhitie Simeona Stolpnika i Pandekty Nikona Chernogortsa 1296 g.). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 6, 67–72.
- Knyazevskaya, O. A. (1957). K istorii russkogo yazyka v severo-vostochnoi Rusi v seredine XIV v. (Paleograficheskoe i foneticheskoe opisanie rukopisi Moskovskogo evangeliya 1358 g.). *Trudy instituta yazykoznanii AN SSSR*, 8, 107–177.
- Ladyzhensky, I. M. (2011). *Grafiko-orfograficheskie i yazykovye osobennosti rukopisnykh knig Tipografskogo sobraniya RGADA № 165, 166, 167* (unpublished doctoral dissertation). Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow.
- Sheveleva, M. N. (1995). Novye dannye tserkovnoslavianskikh rukopisei o refleksakh sochetanii redutsirovannykh s plavnymi i razvitii «vtorogo polnoglasii». *Voprosy jazykoznanija*, 4, 78–93.
- Zaliznyak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow.
- Zaliznyak, A. A. (1993). K izucheniiu yazyka berestianykh gramot. In V. L. Yanin, & A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)* (pp. 191–321). Moscow: Nauka.
- Zaliznyak, A. A. (2004) *Drevnenovgorodskii dialect*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaliznyak, A. A., & Sheveleva, M. N. (2005). Drevnenovgorodskii dialect. In A. M. Moldovan, S. S. Skorvid, & A. A. Kibrik (Eds.), *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* (pp. 438–444). Moscow: Academia.
- Zhivov, V. M. (2006). *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka* (pp. 225–259). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Received on September 22, 2019